

*Манифест полиандрии**

Оксана Тимофеева

Моим подругам

Я отдаю себе отчет в том, что этот текст никогда не опубликуют ни в каком приличном издании. Он не пролезет в игольное ушко цензуры. Я пишу не без опасения и как бы даже в надежде, что прочтут только свои. Эти мысли идут из самой глубины моего, если можно так сказать, сердца. Нет, слово «сердце» – не то, и «глубина» – не то. Про глубину мы говорим, когда идем ко дну. А эти мысли появляются оттуда, где нет дна. Из бездны – как низко туда не падай, дна не достигнешь. Выворачиваются в свободном падении. Совсем как мы.

Мы – это те, кого заклеямили в падении. Бляди, проститутки, шлюхи. Мы не сами себя так называем. Нас так называют те, кто думает, что называет вещи своими именами – но, во-первых, мы не вещи, а во-вторых, у вещей нет своих имен (у вещей вообще нет ничего своего – вещи сами либо чьи-то, либо ничьи). Называют нас так и те, кто нас любит – в порыве страсти или ревности. И те, кого мы любим, а они нас нет. Те, кому мы отказали. Те, кому мы не отказали. Кому мы отказали, а они не приняли наш отказ и применили силу. И остальные тоже – все эти омерзительные тетушки воспитательницы, представители общественности, друзья друзей, училки, менты. А мы выворачиваемся, оправдываемся, хотим дать понять, что мы «не такие». Но даже попытки оправдания – как и вообще любые наши действия, включая самые целомудренные – выдают нас с головой. Такие, такие.

Мы те, кто попал в ловушку языка. Злого языка – зря мы не откусили его еще тогда, когда кто-то засунул его нам в рот.

Ловушка, которая за нами захлопнулась, сделана из двух элементов. Первый элемент – наложение друг на друга желаний, наслаждения и вины.

---

* Первоначально текст был опубликован под псевдонимом Оксана Зверь под названием «Свободное падение» в журнале *Шкура* № 3. Редакция благодарит Оксану Тимофееву за разрешение опубликовать этот текст.

От нас ждут доказательств нашей невинности. Ее признают, если прежде у нас получится убедить их, что мы не хотели и не наслаждались. Так, жертва насилия не может желать и наслаждаться, но только пассивно претерпевает страдание. Об этом знает любой феминист. Она не хотела, не наслаждалась – значит, она невинная жертва. Насильники, наоборот, оправдывают себя ее желанием и наслаждением: она сама хотела, ей понравилось, это ее вина. Но и те, и другие исходят из предположения злого языка о том, что желание и наслаждение делают нас виновными.

Второй элемент – жесточайшее табу, существующее в нашей культуре, на женскую полигамию – при позитивном или лояльном отношении к мужской. Это табу так же старо, как и легенда о матриархате, при котором его не было, и отголосками которого кажутся вошедшие в историю древнего мира языческие оргии плодородия, культы ненасытных богинь или сохранившаяся в нескольких совсем небольших, редких народах полиандрия.

Этой легенде, вернее гипотезе, от которой ученые уже отказались, опровергнув косвенные доказательства реально существовавшего матриархата, родственна другая – о первобытном коммунизме, все еще признаваемая некоторыми историческим фактом. Одно из свидетельств этого родства – приписываемая первобытному коммунизму, сочетавшему в себе патриархальные и матриархальные социальные практики, общность жен. Обе гипотезы – одновременно и пугающие, и соблазнительные. В начальной точке временной петли они складываются в образ архаичной дикости, позитивный или негативный, а в конечной – в утопию или антиутопию. Если начальная точка временной петли совпадает с конечной, то коммунизм и матриархат представляют собой родовую память человечества о том, чего еще не было.

Возможно, именно потому, что эта родовая память, мало отличимая от забвения, мерцает на периферии сознания, наша полиандрическая сексуальность, реальная или воображаемая, вызывает у них и возмущение, и возбуждение. Мужчины, которые, когда их никто не видит, мастурбируют на порно в стиле *gangbang*, а затем обильно извергаются нам в лицо моралином – что творится в их жалкой душе? Что стоит за чувством неоднозначного воодушевления, которое они испытывают, подглядывая за нами, фантазируя о нашем падении, обсуждая и осуждая его, уличая нас в том, что мы сами этого хотели, что нам это нравится? Есенин называет это «горькой правдой земли»:

Да! есть горькая правда земли,
Подсмотрел я ребяческим оком:
Лижут в очередь кобели
Истекающую суку соком.¹

В этом стихотворении, посвященном Айседоре Дункан, есть и строчки, не вошедшие в официальные сборники: «Пусть целует она другого / Изжитая, красивая блядь». Ревность накладывается на травматическое воспоминание, первосцену, детский театр грубого животного совокупления, в центре которого оказывается любимая – шлюха, богиня, мать.

Есенинская первосцена аналогична тем, о природе которых размышлял Фрейд и за которыми, по его мысли, не обязательно стоят реальные события. Детские воспоминания – в том числе косвенные, больше похожие на намеки – об актах насилия, соращения или совокупления, подсмотренных ребяческим оком или совершенных над нами в прошлом – могут быть сконструированы. Они приходят из мира желаний, в которых мы никогда себе не сознаемся, которые не пробиваются через инстанцию цензуры, подгоняющую наши влечения под требования человеческого общежития. Даже если этого не было, это все равно было. Просто не в нашей жизни.

Фрейд пришел к такому выводу, анализируя воспоминания своих пациенток, страдающих истерией, о сценах соращения или пережитом ими в детстве насилии со стороны взрослых «дядь». Вначале он полагал, что эти воспоминания непосредственно относятся к реальным фактам, но довольно скоро масса нелюбимого материала стала критической – не могла же и в самом деле каждая быть изнасилована своим отцом! – и гипотезу соращения в ее первоначальном, наивном виде пришлось отбросить. Место реальности заняла бессознательная фантазия, заполняющая лакуну непонятно откуда возникающего желания:

«Откуда берется потребность в этих фантазиях и материал для них? Невозможно сомневаться в источниках влечений, но необходимо объяснить факт, что каждый раз создаются те же фантазии с тем же содержанием. У меня готов ответ, но я знаю, что он покажется вам рискованным. Я полагаю, что эти *прафантазии* – так мне хотелось бы назвать их и, конечно, еще некоторые другие – являются филогенетическим достоянием. Индивид выходит в них за пределы собственного переживания в переживание доисторического времени...»²

Что если сопровождаемая бредом ревности любовь поэта к женщине, которую он называет блядью, так мучительна для него потому, что как раз таки выбрасывает его «за пределы собственного переживания к переживаниям доисторического времени»? Давайте только будем мыслить диалектически – и отнесем эти переживания-воспоминания не тому, что было, а к тому, чего не было. К тревожному образу матриархата, которого не было и при котором полиандрия, конечно, не являлась еще преступлением и грехом.

Фантазии об оргиях Белоснежки с участием семи и более гномов, в центр которых нас помещает их ревнивое желание, рождаются в точке схождения начала и конца затягивающейся вокруг нас временной петли. Оргия в стиле gangbang, главная цель которой – доставить как можно более интенсивное удовольствие женщине, – и групповое изнасилование, причиняющее ей страдание и вред, представляют собой, с антропологической точки зрения, родственные социальные практики. Коллективный гном уже не понимает, наказывает ли он шлюху или служит богине. Даже если наказывает, он одновременно служит – как если бы он все еще хотел удовлетворить ее желание – вернее, не совсем желание, а то, что стоит за всеми желаниями: влечение к смерти. Оказываясь в этом театре – то ли как зритель, то ли как действующее лицо – он, сам того не осознавая, отправляет священный ритуал, в котором встречаются эрос и танатос и суть которого от него ускользает.

Между мужской и женской полигамией существует асимметрия, объясняемая телесной символикой полового различия. Каждое тело – это символ. Тело мужчины – это фаллический символ. Как объясняет Жак Лакан, мужское наслаждение – это наслаждение органом. Орган же, вокруг которого напряженно собирается мужское тело, единичен и одинок. Значение его в культуре сильно преувеличено. Его главная беда в том, что он не может войти одновременно более чем в одну женщину, или, если точнее, более чем в одну какую-то часть тела одной какой-то женщины. Поэтому мужская полигамия связана с очередностью женщин, с подсчетом – одна за другой, с натуральными числами.

Сколько у тебя было мужчин? – ревниво спрашивают они нас, имея в голове свой большой или маленький донжуанский список. Этот вопрос кажется нам очень глупым, он ставит нас в тупик, нам надо что-то соврать. У нас проблема с подсчетом. Мы не можем убедительно назвать ни одно натуральное число, потому что наше тело – это совсем другой символ. За нас, как говорит Гегель, стоит не единичное, но всеобщее:

«В обители нравственности не *“этот”* муж, не *“это”* дитя, а *некий муж, дети вообще*, – не чувство, а всеобщее суть именно то, на чем основываются эти отношения женщины. Отличие ее нравственности от нравственности мужчины в том именно и состоит, что в своем определении для единичности и в своем чувственном влечении она остается непосредственно общей, а единичности вожделения остается чуждой...»³

При желании, которое они приписывают нам в своих фантазиях, в нас войдет вся божественная троица и еще, еще, еще. Чуждое единичнос-

ти вожделения, наше униженное тело оборачивается знаком предчувствия коммунизма. Пока мужское наслаждение прикручивается, прилепляется только к одной какой-то его части, другие не простаивают безучастно. Вы не одни в этой комнате. В каждом акте она невидимо отдается всей мужской половине земли, всему роду, а не какому-то индивиду, полномочному представителю рода. Она не твоя, гном.

Справедливо называя любовь «полиморфным извращением самца», Лакан пишет, что существует и другое наслаждение – оно лежит «по ту сторону фаллоса»: «...называют это наслаждение кто как может – кто-то вагинальным, кто-то относит его к зоне за отверстием матки, но все это, простите – слово это здесь в самый раз – пиздеж».⁴ Мужской символ все время промахивается, попадает куда-то не туда. Потустороннее наслаждение женщины, по Лакану, вообще не связано с органом. Оно связано с Богом – которого нет, но это уже отдельная история. Гневно обличающий нас ревнивый гном на самом деле, конечно, испытывает зависть к этому недоступному для него наслаждению, имеющему божественную природу. Он никогда о нем не узнает, потому что мы никогда о нем не расскажем – в ловушке чужого языка наш рот все время занят чем-то другим.

---

¹ За ссылку на эту строфу из известного стихотворения «Пой, же пой на проклятой гитаре» я благодарна Игорю Чубарову, с которым мы беседовали о природе групповых изнасилований по дороге в Харьков, на конференцию о марксизме и феминизме, организованную Ириной Жеребкиной в мае 2017 г. На этой конференции Чубаров выступил со смутившим некоторых присутствовавших докладом о так называемом «Чубаровском деле» (*Гендерные исследования*, №22, с.58-76), а я с устным манифестом, по следам которого написан этот текст.

² Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции 16—35. СПб.: Алетейя, 2000, с. 158—159.

³ Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. СПб.: Наука, 1999, с. 243.

⁴ Лакан Ж. Семинары. Кн. 20. Ещё. М.: Гнозис/ Логос, 2011, с. 86, 88.